

УДК 297:39

ТАТАРСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА НОВОГО ОРЕНБУРГСКОГО МУФТИЯ В 1860-е ГОДЫ

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Последняя четверть XVIII – середина XIX в. стали важным этапом в институализации новых сословных групп татарского населения в российскую сословную иерархическую систему. В екатерининский период приобрело четкие очертания правовое положение трех новых социально-сословных групп, ставших национальными элитами татар. В последующее время продолжалось уточнение их статуса в рамках внутриполитического курса правительства.

В 1784 г. потерявшие свои привилегии после приписки Петром I в податное сословие мурзы и служилые татары, в случае доказательства своего благородного происхождения, получили возможность записи в российское дворянство. Одновременно сохранялась возможность записи в данное привилегированное сословие лиц через продвижение по служебной лестнице (военный или гражданский чиновник).

С учреждением в 1775 г. купеческого сословия татарские торговцы и промышленники, предприимчивые крестьяне и мещане, получили возможность записываться в новую полупривилегированную корпоративную группу, занимающую в сословной иерархии новой России ступеньку вслед за дворянством и православным духовенством, и таким путем повысить свое социально-правовое положение. Правда, для сохранения статуса гильдейского купца требовалось ежегодно освидетельствовать свое материальное положение.

Важным событием в социокультурной жизни татар стало учреждение в

1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), означавшее одновременно официальное признание правительством духовных лиц мусульманских народов, расселенных в Европейской части и Сибири. В отличие от крымско-татарских духовных лиц Таврической губернии, где эта должность была наследственной, они не были объявлены привилегированной сословной группой. В округе ОМДС духовными лицами, как правило, становились дети абызов и мулл, наиболее одаренные из сыновей представителей податного и купеческого сословий. Вследствие получения от правительства прав на регистрацию и хранение актов гражданского состояния, производства по шариату раздела имущества и наследства прихожан, важной роли исламской религии в повседневной жизни татарского населения и отсутствия в сельской местности другой социальной силы, имеющей возможность конкурировать с имамами, духовные деятели завоевали высокое общественное положение и получили значительную власть над прихожанами.

Проникновение в татарское общество обновленческих идей в период модернизации России и развития капиталистических отношений во многом было обусловлено позицией и деятельностью представителей вышеназванных сословно-социальных групп. Эти корпоративные группы, благодаря своему социально-правовому положению, стали выполнять, исходя из конкретно-исторических и местных усло-

вий, роль локальных и общетатарских национальных элит.

В организационном плане лишь духовные лица имели единый всероссийский центр в лице ОМДС. В ряде крупных и сильных городских общин татарские торговцы были объединены в автономные купеческие общества, в других поселениях они составляли меньшинство среди русского купечества.

Позитивная деятельность ОМДС по координации религиозно-обрядовой жизни махаллей и миссия по представлению интересов мусульман перед царским правительством стали глубоко осознаваться татарскими элитами. По мнению царских чиновников (1872 г.), ОМДС превратилось в «центр тяготения для всего ... духовенства, обуславливающий как внутреннюю связь между его членами и единство их духа и общего направления, так и связь между духовенством и всем магометанским населением, в котором сам факт существования этого центрального духовного управления упрочивает сознание их племенного и религиозного единства»¹. Поэтому неудивительно, что жизнедеятельность религиозного управления и его дальнейшая судьба волновали представителей татарских элит.

Новые явления на этом поприще отчетливо проявились после смерти (4 августа 1862 г.) муфтия Габдулвахид Сулейманова. Как известно, в 1817 г. в российском законодательстве появилось положение о выборе оренбургского муфтия «магометанским обществом» европейской части России и Сибири, однако не был регламентирован механизм проведения самих выборов. В период действия нового положения два оренбургских муфтия — Габдессалам Габдрахимов и Габдулвахид Сулейманов — соответственно в 1826 и 1840 гг. были назначены императором Николаем I на основании представления министра внутренних дел, без проведения каких-либо выборов. Глубоко символично, что в условиях разработки и реализации курса либеральных реформ, во главу которых были поставлены

идея модернизации России и создание в перспективе правового государства, впервые центральная власть решилась на выработку механизма реализации данного законодательного положения.

Мусульмане знали о своем законном праве на выбор нового председателя ОМДС. Буквально на следующий день после похорон муфтия Г. Сулейманова татары г. Уфы обратились к генерал-губернатору Оренбургской и Самарской губерний А. П. Безаку с просьбой об определении на вакантную должность сына умершего муфтия Шарафутдина².

Ахун Шарафутдин Сулейманов, исполнявший с 1844 г. должность имама-хагиба при соборной мечети г. Уфы, был осведомлен о депеше генерал-адъютанта А. П. Безака в Министерство внутренних дел с сообщением о пожелании татар и направил 1 сентября в столицу свои документы, позволяющие, по его мнению, стать преемником отца³.

Габдулвахид Сулейманов, заботясь о дальнейшей судьбе своего старшего сына, в конце 1860 г. предпринял ряд мер для закрепления должности за ним. Как видно из представленных в Министерство внутренних дел Ш. Сулеймановым документов, 3 декабря 1860 г. духовные лица 24-го башкирского кантона Уфимского уезда Оренбургской губернии составили приговор об утверждении его старшим мухтасибом Оренбургской и Самарской губерний и назвали его заслуживающим должности муфтия, как «хорошо знающего отправление обрядов магометанской веры», и «доверили ему, Сулейманову, ходатайствовать перед правительством при открывшейся должности сей вакансии». Такой общественный приговор с идентичным текстом был составлен 1 февраля 1861 г. муллами и муэдзинами г. Оренбурга и Сеитова посада. Наконец, его отец 18 февраля 1861 г. просил генерал-губернатора А. П. Безака о предоставлении 6-месячного отпуска для совершения паломничества в Мекку и Медину и о назначении вместо себя на время отсутствия сына Шарафутдина с

получением соответствующего жалования (поездка не состоялась. — *И.З.*).

Печальное известие о кончине Габдулвахиды Сулейманова застало большую группу татарских предпринимателей за подготовкой к открытию ярмарочного сезона на главном «торжище» России, Нижегородской ярмарке. Торговый люд начал совещаться относительно достойного преемника муфтия. 22 августа 1862 г. от имени «почетных гостей, купцов и разных губерний магометан», находящихся на всероссийском «торжище», на имя министра внутренних дел торговцами было составлено ходатайство о рекомендации имама-хатиба, мударриса и ахуна г.Стерлитамака Оренбургской губернии Камалетдина Шарафетдиновича Нагаева на высокую вакантную должность. Данный документ дает представление о существовавшей в тот период своеобразной иерархии среди татарских торговцев на ярмарке. Ими верховодили казанские предприниматели: список лиц, подписавших коллективное ходатайство, «открывается» подписью коммерции советника, потомственного почетного гражданина (п.п.гр.) 1-й гильдии купца Исхака Губайдулловича Юнусова и потомственных почетных граждан 1-й гильдии купцов Негалима Исхаковича Апанаева и Муртазы Музафаровича Усманова. На этом собрании присутствовал (или подписали по совету вышеназванных авторитетных торговцев) всего 71 предприниматель, в большинстве своем гильдейские купцы из г.Казани, г.Томска, г.Симбирска, г.Уржума, г.Малмыжа, г.Царевококшайска, г.Арска, г.Троицка, г.Стерлитамака, г.Касимова и Касимовского уезда Рязанской губернии, г.Елатымы, г.Краснослободска и Краснослободского Темниковского, Саранского уездов и других мест Пензенской губернии⁴. Перечислим некоторых из них. Это — 1-й гильдии купец Мухаметша Утямышев, казанский 2-й гильдии купец Муртаза Мустафин Утямышев Азимов, 1-й гильдии купцы п.п.гр. из Томска Абдулфатих Ниязович Айтыкин, п.п.граждане

из Симбирска Сулейман Акчурин, из Малмыжа Исхак Мусевич Утямышев, купцы 2-й гильдии из Казани Галей Апсалямович Усманов, Абдул-Маниф Биккенов, Садик Бурнашев, из Царевококшайска Алиакбер Алиаскерович Имангулов (купеческий сын), из Арска Умер Хасанович Якупов, Мухаммат Мусич Апанаев, из Касимова Негматулла Файзуллович Мустаев и другие⁵.

Лидерство во временной религиозной общине Нижегородского «торжища» Исхака Юнусова подтверждается и тем, что именно он через два дня, 24 августа, во Временном ярмарочном присутствии зарегистрировал этот приговор, придав коллективному волеизъявлению коммерсантов легитимность⁶.

Проблемой выбора нового оренбургского муфтия, соответствующего государственным интересам, одновременно стали заниматься и в столице. Министр внутренних дел П.А.Валуев 21 и 24 августа 1862 г. запросил мнения у оренбургского и самарского генерал-губернатора и казанского губернатора относительно кандидатов на эту ответственную должность⁷.

Как известно, до назначения муфтием Г.Сулейманов был имамом-хатибом гражданской махаллы города на Неве. Знакомство с членами царской фамилии сыграло решающую роль во взлете его духовной карьеры. Видимо, на такую счастливую возможность рассчитывал молодой гражданский имам Санкт-Петербурга тархан (с 1843 г.) Мухаммет-Алим Хантемиров⁸, который инициировал составление 31 августа 1862 г. общественного приговора от имени части мусульман города об избрании его, «лично министру внутренних дел известного», на вакантную должность оренбургского муфтия⁹.

После кончины Г.Сулейманова обязанности оренбургского муфтия по сложившейся традиции стал исполнять старший заседатель ОМДС Тазетдин Максютон¹⁰, уже 9 лет занимающий эту должность. Между тем в начале 1863 г. в Казани должны были состояться выборы новых заседателей Духовного

собрания и кандидатов к ним на новое трехлетие. Оренбургский генерал-губернатор, желая предупредить возможность передачи обязанностей муфтия не известному властям избранному новому старшему заседателю, решил сохранить на этой должности проверенного и предсказуемого Т.Максютова. Не позднее 12 ноября 1862 г. для согласования данного деликатного вопроса оренбургский губернский прокурор специально приезжал в Духовное собрание и получил согласие членов религиозного управления на назначение Т.Максютова временно исполняющим обязанности муфтия, до избрания нового муфтия.

Оказалось, что эта проблема волновала и директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий гр. Э. К. Сиверса (1856–1876), который 8 декабря предложил генерал-адъютанту А.П.Безаку оставить и.о.муфтия Т.Максютова, у которого в 1863 г. истек срок службы заседателем ОМДС, и, в случае согласия, выйти с такой инициативой в МВД.

В результате генерал-адъютант А.П. Безак, уже основываясь на соответствующем постановлении Духовного собрания и мнении местного прокурора от 29 ноября, предложил МВД оставить на этой должности Т.Максютова временно исполняющим обязанности муфтия до назначения нового председателя ОМДС, что было приведено в исполнение в начале февраля 1863 г.¹¹

Нерасторопность властей по выработке правил избрания нового муфтия стала в 1863 г. восприниматься некоторыми мусульманами как своеобразная тактика правительства по упразднению в ближайшей перспективе должности оренбургского муфтия и, возможно, самого ОМДС. Было очевидно, что сохранение данного института было возможно в случае официального определения на вакантную должность нового лица, что гарантировало прежний порядок управления духовными делами мусульман. В этой связи новое звучание приобретают выборы новых заседателей и

кандидатов к ним на новое трехлетие, состоявшиеся в Казани в начале 1863 г., на которых большинство голосов получил старший мухтасиб и старший мударрис Казанского уезда д.Старой Ульбы Аухадий Искандеров. Он стал старшим заседателем ОМДС. Следует подчеркнуть, и.о. оренбургского муфтия Т.Максютов не был избран на следующий срок заседателем ОМДС, что свидетельствовало о нежелании духовных лиц и торговцев Казанской губернии видеть его на этой должности.

А.Искандеров, уже до этого времени успевший два срока проработать заседателем Духовного собрания, обратился в Оренбургское губернское правление об определении его и.о. муфтия вместо Т.Максютова. На основании предписания генерал-адъютанта А.П.Безака (не позднее 14 мая 1863 г.) начальник Уфимской губернии Г.С.Аксаков 3 июня 1863 г. допустил А.Искандерова к исполнению обязанностей муфтия в качестве старшего заседателя¹².

У татар имелась информация о составлении властями положения о проведении выборов нового оренбургского муфтия. Об этом, в частности, свидетельствует анонимная записка муллы Оренбургской губернии, поданная министру внутренних дел не позднее начала февраля 1863 г. В ней говорится о необходимости скорейшего назначения нового муфтия (потому что заседатели ОМДС стали сильнее обирать приезжих для сдачи экзамена в Уфу кандидатов на духовные должности («испытание становится нам более 60 руб. серебром»)). Муллы также выразили свою обеспокоенность выдвижением (по их сведениям. — *И.З.*) в качестве избирателей только кантонных начальников, их помощников, старшин, мирз (дворян) и почетных граждан (читай: купцы), и оставлением имамов на стороне от выборов и возможностью избрания муфтием недуховного лица, что налагает им «стыд и горе»¹³.

Видимо, под воздействием информации о предстоящих выборах было подано ахуном Шарафутдином Сулей-

мановым министру П.А.Валуеву новое ходатайство (12 февраля 1863 г.), в котором сообщалось о готовности уступить первенство «достойнейшему, нежели такой найдется»¹⁴.

Стремясь сорвать планы ахуна, его оппоненты летом 1863 г., во время посещения генерал-адъютантом А.П.Безаком г.Уфы, заявили высокопоставленному чиновнику о том, что Ш.Сулейманов «мало сведущ в татарском языке». Узнав об этом, Ш. Сулейманов немедленно направил (13 июля 1863 г.) письмо министру внутренних дел П.А.Валуеву, доказывая свое превосходное знание турецкого, арабского и персидского языков конкретными текстами¹⁵.

Вследствие задержки проведения выборов муфтия, вызванного, главным образом, новизной дела и медлительностью местных властей, оренбургский и самарский генерал-губернатор А.П.Безак 25 августа 1863 г. назвал министру внутренних дел трех кандидатов для временного назначения оренбургским муфтием (до избрания нового муфтия). Это – бывший мулла, затем служивший кантонным начальником в Башкирском войске, подполковник Давлетшин, стерлитамакский мулла Камалетдин Нагаев и гвардии ротмистр в отставке ходжи Салимгерей Тевкелев¹⁶.

19 марта начальник Томской губернии отправил в столицу общественный приговор предпринимателей-мусульман г.Петропавловска, составленный 15 января 1864 г., о включении старшего ахуна городской подгорной мечети «из рода князей» Габдельбари Габбасовича Яушева¹⁷, в список кандидатов для баллотирования на должность муфтия.

Общественный приговор подписали 1-й гильдии купцы Хасан Юсупович Муратов, Ибетулла Баязитов, Негматулла Биктамиров, девятнадцать 2-й гильдии купцов¹⁸, городские духовные лица, один кандидат в 2-й гильдии купцы, четырнадцать купцов, двенадцать купеческих сыновей¹⁹, два купеческих брата, ряд мещан и других лиц.

Время шло, никаких шагов со стороны правительства по проведению выборов или назначению нового муфтия не предпринимались. Судя по обращениям татарских предпринимателей к местной и центральной властям, летом-осенью 1864 г. у купцов существовала серьезная обеспокоенность, вызванная бездействием правительства, и возникло опасение о возможности отложения назначения оренбургского муфтия на неопределенный срок. Тревогой за судьбу Духовного собрания пронизаны тексты их ходатайств и личные обращения к местным чиновникам. Собравшись в сезон 1864 г. на Нижегородской ярмарке, татарские торговцы активно обсуждали сложившуюся ситуацию. В начале сентября коммерсанты сочли уместным вновь напомнить правительству о своем первом ходатайстве, подчеркнув, что их кандидат – ахун Камалетдин Нагаев – по личным качествам и «религиозной жизни» вполне достоин занять высокую духовную должность. Ходатайство подписал узкий круг лиц, главным образом, крупнейшие коммерсанты: п.п.гр. 1-й гильдии купец Исхак Юнусов (г.Казань), 1-й гильдии купец Исхак Апанаев (г.Казань), губернский секретарь Абдулхамид Еникеев, п.п.гр. Хасан Хамзинович Шакиров, Сюкай Еникеев (г.Темников), п.п.гр. 1-й гильдии купец Мухаметшакир Ахметшахович Утямышев (г.Малмыж), 1-й гильдии купец Исхак Мусич Утямов (г.Малмыж), купец Мустафа Мухаметминович Давыдов (г.Москва), касимовский мурза Салих Янбаев (г.Касимов) и еще один торговец. В документе имеется также подпись имама ярмарочной мечети Семерхана Соколова и примечание, чтобы ответ прислали в г.Казань, Исхаку Юнусову²⁰.

Накануне официального закрытия «торжища» с просьбой посодействовать ускорению избрания нового муфтия торговцы обратились к исполняющему во время нижегородской ярмарки временной должности нижегородского генерал-губернатору Н.А.Огареву, который отправил 15 сентября министру

П.А.Валуеву письмо с поддержкой мнения татарских купцов.

13 ноября генерал-адъютант Н.А.Огарев представил в Министерство внутренних дел новое письмо казанских купцов Исхака Юнусова и И.Апанаева, составленное 21 октября 1864 г., в котором они напоминали о поданном ими 2 сентября 1862 г. ходатайстве об избрании оренбургского муфтия и просили содействия в ускорении решения вопроса²¹.

В октябре 1864 г., во время посещения генерал-адъютантом А.П.Безаком по служебным делам г.Уфы, авторитетные мусульмане города также просили о скорейшем назначении муфтия²².

В Казани группа татарских купцов и духовных лиц обратилась к губернатору М.К.Нарышкину о лоббировании в Министерстве внутренних дел на должность оренбургского муфтия ахуна К.Нагаева. Если правительство найдет нужным проведение выборов, то провести их непременно в Казани как «в центре ОМДС». О своих переговорах с делегацией городской татарской общины М.К.Нарышкин 29 декабря 1864 г. уведомил министра, приложив к своей депеше полученный общественный приговор. В документе первыми подписались братья Ибрагим и Исхак Юнусовы, затем военный мулла Назмутдин Хисмутдинов и восемь гражданских имамов-хатибов города, среди которых отсутствует подпись имама 1-й городской мечети Ш.Марджани. Список завершается подписями 1-й гильдии купцов Мустафы Назировича Азимова, Муртазы Азметьева, Исмаила Исхаковича Апанаева, п.п.гр. 2-й гильдии купца Мухамета Мусича Апанаева и п.п.гр. Мухаматгалая Курбангалеевича Аушева²³.

Рассмотренный материал позволяет выделить «почерки» представителей двух групп татарской элиты. Духовные лица, как правило, действовали анонимно или подписывали коллективный общественный приговор вслед за купцами. Некоторым представителям духовенства были характерны индиви-

дуализм, организация своего выдвижения местной общиной или ее частью на вакантную должность муфтия.

Торгово-предпринимательская элита, пользуясь своими хорошими отношениями с местным губернатором, старалась заручиться его поддержкой, добиваясь сопроводительного письма при отсылке общественного приговора. Коммерсанты успешно использовали Нижегородскую ярмарку, куда приезжала значительная часть татарских предпринимателей, для коллективного волеизъявления представителей своей корпорации и доведения своего мнения до правительства.

На этом фоне выделяются действия представителей татарской элиты из числа дворян. Для них характерны индивидуальные действия. В частности, помещик Селимгерей Тевкелев (будущий муфтий) 20 июля 1864 г. обращался к директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий графу Э.К. Сиверсу по двум вопросам: 1) о дальнейшей судьбе 9-копеечного брачного сбора с мусульман, предназначенного на строительство здания ОМДС (к этому времени здание было уже построено. — *И.З.*) и 2) об ускорении проведения выборов нового оренбургского муфтия. Однако тогда его письмо не удостоилось ответа, возможно, затерялось. По крайней мере, среди архивных дел нам не удалось его обнаружить. Повторно С.Тевкелев обратился в Департамент 6 февраля 1865 г. На этот раз он настаивал на выборном начале назначения муфтия и местом проведения выборов назвал Уфу, «около которой централизуется все мусульманское население Оренбургского края и которая составляет постоянную резиденцию муфтиев»²⁴. Двукратное обращение его в Министерство внутренних дел «выдает» в нем неравнодушного к духовным делам единоверцев отставного офицера.

Заслуживает внимания поступок потомственного дворянина коллежского советника Шагиахмета Алкина, решившего сделать данный вопрос объектом публичного обсуждения на страницах

периодической печати. Бывший частный пристав (1833–1846), помощник полицмейстера Казани (1846–1859) в отставке прекрасно знал специфику работы имперского бюрократического аппарата, видимо, опасался, что его обращение в Министерство внутренних дел «затеряется», будет проигнорировано. Чиновник николаевской эпохи глубоко понимал, что назначение оренбургского муфтия имеет политическую окраску, и небезосновательно опасался, что его обращение по разным причинам может быть не опубликовано. Он решил воспользоваться царившей в стране демократической атмосферой периода либеральных реформ и в январе 1865 г. обратился с письмом к своему бывшему непосредственному начальнику, казанскому полицмейстеру (1840-е гг.), который, выйдя в отставку, перебрался в Санкт-Петербург. Ш.Алкин просил его передать рукопись статьи «Муфтий Оренбургского края» в редакцию столичной газеты «Северная пчела».

Из письма становится ясно, что автор знал об обращении министра внутренних дел к начальникам ряда губерний о представлении предложений о порядке избрания оренбургского муфтия. Свое решение начать публичное обсуждение затянувшегося вопроса, надеясь привлечь к разговору и своих единоверцев, «которые молчат, может быть потому, что вообще не привыкли к печатному слову», Ш.Алкин объясняет тем, что он, как мусульманин, не может оставаться на стороне в возникшей ситуации. (Ш.Марджани пишет, что Ш.Алкин, когда был грозным помощником полицмейстера, оставался справедливым и богобоязненным человеком: находясь на казенной службе, не пропускал пятивременные намазы²⁵). Хорошее знание положения дел у единоверцев в разных губерниях европейской части России дает ему право высказать собственную точку зрения по проблеме выбора нового председателя ОМДС. «Правительство, с целью узнать истину, само часто обращается путем печати к общественному мнению и к

голосу людей, знакомых с делом, и мы не считаем себя вправе молчать, так как дело касается единоверцев наших и, может быть, наш голос будет небесполезным при решении вопроса о выборе оренбургского муфтия», — отмечает Ш.Алкин²⁶.

В начале статьи дается краткое пояснение о должности оренбургского муфтия. «Значение муфтия весьма важно для магометанского населения всех сословий. Муфтий — не только глава многочисленного магометанского духовенства. Самое высшее духовное лицо, он, вместе с тем, председатель Духовного собрания, в котором решаются все дела магометанской религии и соединенные с ними дела брачные, а также гражданские дела, заключающие в себе важный имущественный интерес, как дела о спорах по завещаниям и разделе наследств, достающихся по закону. Следовательно, выбор лица достойного, удовлетворяющего требованиям религии магометан и условиям гражданским — в существенном интересе всех сословий магометанского населения. Оренбургскому муфтию и тамошнему духовенству подчинено магометанское население одиннадцати губерний в числе 1766640 душ по исчислению академического календаря в 1864 г. Между тем со смертью в 1862 г. муфтия Сулейманова, важный пост этот до сих пор остается незамещенным», — указывает автор²⁷.

Ш.Алкин выступает за проведение выборов муфтия в г.Уфе, так как здесь располагается ОМДС и именно из числа представителей татарских дворян Оренбургской губернии, занимающих духовную должность, по его мнению, нужно избрать будущего муфтия. Дворянину, хорошо знающему ислам и правила веры, по его убеждению, будут не чужды и интересы правительства, и мусульманского населения.

По его мнению, список «достойных, вполне заслуживающих общественного доверия» лиц от каждого сословия должно утвердить местное начальство и обеспечить депутатов надлежащим документом. Автор смотрит в корень

проблемы, зная о существовании у государственных мужей опасения относительно возможности возникновения «нестандартной ситуации» на общемусульманском съезде. Утверждение списка доверенных мусульман местными властями, по его мнению, должно было решить эту проблему.

Депутаты из числа купцов, дворян и часть духовных лиц прибывали в г.Уфу на свои средства, а волостные старшины из крестьян – за счет экстраординарных сумм, которые затем возмещались из капитала брачных сумм ОМДС. Причем в определенный властями день выборы считались состоявшимися, независимо от того, сколько депутатов в них участвовало. Автор специально обходит вопрос о кандидатах на должность муфтия: для него первостепенное значение имеет проведение выборов и сохранение самой должности председателя Духовного собрания.

С учетом численности проживающих в 11 губерниях мусульман различных сословий Ш.Алкин составил квоту депутатам от каждой социальной группы, решительно отказываясь от идеи возможности участия в избрании муфтия исключительно духовных лиц. При этом он вполне основательно ссылается на процедуру выборов муфтия Таврическо-

го магометанского духовного правления, в которых, согласно действующему законодательству, участвовали различные социальные слои крымско-татарского населения. В выборах в Уфе должны были участвовать представители четырех социально-сословных групп: дворяне, купцы, духовные лица и крестьяне (волостные старшины). Его предложения о численности депутатов от каждой социальной группы мусульман, для наглядности, мы оформили в таблицу.

Как видно из таблицы, автор действительно учел численность всего населения в губерниях, об этом свидетельствуют графы «духовные лица» и «волостные старшины»: именно в Оренбургский, Казанской и Самарской губерниях компактно расселились значительные по численности группы мусульман. Среди купцов наибольшее количество мест (10) выделено татарам Казанской губернии, а по многочисленности депутатов-дворян (25 человек) резко выделяется Оренбургская губерния. По Нижегородской губернии, согласно проекту Ш.Алкина, среди уполномоченных не представлены дворяне, а по Оренбургской губернии – духовные лица (скорее, во втором случае была автором допущена механическая ошибка. – *И.З.*).

Таблица 1

Квоты депутатов от различных социальных групп мусульман 11 губерний для избрания оренбургского муфтия (проект Ш.Алкина)

№	Губернии	Дворяне	Купцы	Духовенство	Волостные старшины	Итого
1	Казанская	2	10	15	20	47
2	Оренбургская	25	5	—	15	45
3	Самарская	3	5	10	10	28
4	Вятская	3	3	3	3	12
5	Пермская	3	3	3	3	12
6	Тобольская	3	5	5	5	18
7	Нижегородская	-	2	2	2	6
8	Симбирская	2	5	3	5	15
9	Рязанская	2	3	3	2	10
10	Саратовская	2	2	3	2	9
11	Астраханская	3	3	3	3	12
	Всего	48	46	50	60	214
	Всего, в %	22,4	21,5	23,4	32,7	100

По другим губерниям в основу распределения квоты выборных лиц автор взял «средние цифры» — 2, 3 и 5 человек. Эти нормативы далеко не отражают реальную численность представителей различных социальных групп, а скорее должны были свидетельствовать об участии мусульман этих регионов в избрании нового муфтия, об общероссийском характере, масштабе выборов.

Всего мусульманское сообщество округа Духовного собрания избирало из своей среды 214 депутатов. В сословно-социальном «срезе» корпус уполномоченных выглядел следующим образом: 48 дворян (22,4%), 46 купцов (21,5%), 50 духовных лиц (23,4%) и 60 крестьян (32,7%). Как видно, привилегированные сословия (дворяне и купцы) составляли примерно по 1/5 части, мусульманское духовенство — 1/4 часть, а крестьяне — 1/3 часть всех депутатов. Следует подчеркнуть, что в силу малочисленности среди татар и башкир дворян и гильдейских купцов, квоты привилегированных сословий являются явно завышенными и отражают позицию Ш.Алкина о необходимости активного привлечения их представителей к участию в выборах.

Для решения организационных вопросов с выборами уполномоченных предлагалось назначить в четырехмесячный срок, предварительно опубликовав объявление о выборах в газете «Московские губернские ведомости».

Таким образом, проект Ш.Алкина представляет адаптированный к российским реалиям вариант проведения выборов, основанный на правиле: «избранные местной администрацией депутаты из своей среды избирают духовного главу».

Видимо, известное изречение о том, что не бывает бывших полицейских, сформировалось на основании реальных фактов. И в данном случае бывший казанский полицмейстер вместо того, чтобы отнести статью своего бывшего сослуживца, доверившего ему столь ответственное дело, в редакцию газеты, переправил ее почтой 18 января 1865 г.

директору Департамента иностранных исповеданий графу Э.К.Сиверсу, для рассмотрения возможности опубликования. В результате статья Ш.Алкина оказалась подшитой к одному из архивных дел Департамента.

Генерал-адъютант А.П.Безак в своем отношении в МВД от 31 августа 1864 г. высказывался за сохранение сложившейся практики назначения муфтия правительством. По его мнению, между депутатами, избранными в разных губерниях, при их различных интересах, отсутствии единого намерения «не может состояться правильного соглашения по этому предмету, и есть полный повод полагать, что выборами при таком порядке стали бы руководить интриги и происки. Посему избрание могло бы упасть на лиц, несколько не заслуживающих доверия правительства и не служащих представителями интересов всего магометанского сословия, почему-либо успевших склонить в свою пользу большинство голосов». Вторым аргументом были указаны интересы «местного управления», которые могли пострадать²⁸. В этот период генерал-адъютант озабочен успешным проведением административно-сословной реформы по переводу башкир и мещеряков Приуралья — военного-служилого сословия — в разряд свободных сельских обывателей с сохранением их прав на вотчинное владение земельными угодьями. Администрация была внутренне готова к разного рода эксцессам, опасалась выступлений протеста мусульманского населения. В данной ситуации проведение всероссийского съезда мусульманских депутатов в Уфе оказывалось для местных властей весьма нехотанным.

Несмотря на особое мнение генерал-губернатора А.П.Безака, на основании полученных предложений от начальников Казанской, Оренбургской и Самарской губерний М.К.Нарышкина, Г.С.Аксакова и Н.П. Мансурова и ряда других должностных лиц, сотрудниками Департамента не позднее 5 ноября 1864 г. были составлены правила прове-

дения выборов оренбургского муфтия в Уфе с участием представителей мусульман от разных губерний.

Данный проект так и не был передан в Комитет Министров. Причина этого, на наш взгляд, заключается в резолюции министра внутренних дел П.А. Валуева, записанной на полях документа: «Из Уфы кандидаты вынесли бы солидарность и общие идеи и направления в свои местные общества, а это правительство должно именно избегать такое сближение магометанск[ого] населения разных местностей. Сосредотачивать избирать магометан было бы неудобно, а посему несравненно лучше ограничить избрание указанием кандидатов отдельными местностями с тем, из всего числа кандидатов правительство имело бы возможность назначить одного по своему усмотрению»²⁹. Как видно, мнение министра внутренних дел совпало с точкой зрения оренбургского и самарского генерал-губернатора А.П.Безака.

Поэтому министр внутренних дел П.А.Валуев вернулся к депеше А.П.Безака от 25 августа 1863 г., в которой были названы кандидаты для временного исполнения обязанностей оренбургского муфтия. Наиболее соответствующим интересам правительства и достойным из их числа министром был признан гвардии ротмистр в отставке потомственный дворянин Селимгерей Тевкелев, совершивший хадж, но не имеющий религиозного образования. В начале апреля 1865 г. Селимгерей Тевкелев дал свое согласие на занятие вакантной должности и 24 апреля был «высочайше» назначен оренбургским муфтием.

Таким образом, в период либеральных реформ в сфере управления духовными делами мусульман европейской части России и Сибири было продолжено делегирование власти по модели «самодержец – личный агент». Причем впервые была распространена практика назначения в правительственное учреждение, курирующее духовные дела подданных, недуховного лица, которая была введена еще Петром I в отношении

Синода: председателем коллегиального религиозного управления мусульман, оренбургским муфтием, был определен С.Тевкелев, благонадежный в политическом отношении, но не имеющий духовного звания. Важно подчеркнуть, что председателем Духовного собрания впервые был назначен потомственный дворянин, представитель привилегированного сословия, являющегося социальной опорой самодержавия.

Мнения представителей татарских элит о порядке выбора оренбургского муфтия и кандидата на эту должность были проигнорированы центральными властями. Правительство, нацеленное на формирование основ правового государства, проигнорировало действующее законодательство, даже не сочтя необходимым внести в него соответствующие изменения. Рассмотренный нами случай дает основание говорить о существовании двойного стандарта в реализации либеральных реформ в сфере национального (религиозного) вопроса в Российской империи.

Наиболее организованной корпорацией, последовательно транслирующей свои намерения до правительства, проявили себя татарские предприниматели. Индивидуальная и совместная коммерческая деятельность на огромных территориях, многолетние связи, тесное общение на ежегодных ярмарках (Нижегородская, Ирбитская и др.) сформировали устойчивую группу новой элиты, которая, используя возможности совместного общения, стремилась выработать единую позицию. Следует отметить, что купцы выступали как самодостаточная социальная сила и не привлекали в петиционное мероприятие представителей других социальных групп, уверенные в том, что их точка зрения является главной и олицетворяет собой мнение всех мусульман. Иначе говоря, они позиционировали себя элитой и ведущей, самой влиятельной силой в мусульманском сообществе. Лишь во время составления общественных приговоров от имени жителей отдельных городов купцы приглашали к совместному воле-

изъявлению из местных жителей только местных духовных лиц.

Большое влияние на торговцев Среднего Поволжья имели в этот период казанские коммерческие советники Ибрагим и Исхак Юнусовы, они возглавляли петиционные инициативы на Нижегородской ярмарке и Казани.

Инициатива татар г.Петропавловска по выдвижению своего кандидата ахуна Г.Яушева на должность муфтия свидетельствует о слабом влиянии казанских торговцев на юго-восток России и существовании в местностях, отдаленных от Казани, сильных региональных групп предпринимателей. При этом нужно отметить, ходатайство о выдвижении ахуна Г.Яушева на должность муфтия было составлено не на Ирбитской ярмарке, а лишь татарской общиной г.Петропавловска, что свидетельствует, скорее, о существовании среди татарских коммерсантов выработанной еще на Нижегородской ярмарке общей линии поведения относительно кандидата на эту вакантную высокую должность. Характерной чертой действий данной группы национальной элиты явилось также успешное сотрудничество с представителями администрации в лице местных губернаторов.

Наиболее замкнутой и безынициативной социально-общественной группой в плане консолидации проявили себя в этот решающий момент татарские религиозные деятели. Несмотря на существование центрального религиозного управления, отсутствовала система иерархического управления в регионах или связи между духовными лицами были слабыми. Не проявили себя и не использовали свои налаженные связи в местностях ахуны, что свидетельствует, скорее, о слабости их позиции среди духовных лиц и существовании модели взаимоотношений религиозного управления с мусульманским духовенством по схеме «ОМДС – уездное полицейское управление – приходское духовенство».

На активность духовных лиц, безусловно, повлияли их замкнутость, незнание или слабое знание государс-

твенного языка и общественных отношений в государстве, средневековые представления о наказуемости инициативы. В то же время следует отметить, что духовные лица четко осознавали свою корпоративную самобытность, считая своим исключительным правом выборы нового оренбургского муфтия. Пассивность духовенства в таком крупном мусульманском центре, как Казань, скорее объясняется зависимостью городских религиозных деятелей в материальном плане от торговцев, а авторитетная группа духовных лиц из близлежащей округи г. Оренбурга побоялась поставить свои подписи в письме министру внутренних дел.

Старшему сыну Габдулвахита Сулейманова ахуну Шарафутдину не удалось воспользоваться своим выгодным положением и выдвинуться от имени мусульманских духовных лиц и махаллей ни г.Уфы, ни уфимского региона. После смерти авторитет Г.Сулейманова улетучился и Шарафутдин со своими амбициями на высокую духовную должность вскоре оказался в одиночестве. Следует отметить, по степени глубокого знания законов ислама, государственного языка, степени интеграции в русское социокультурное пространство он был одним из достойных кандидатов на эту вакантную должность из числа имамов. Однако мнимый авторитет Г.Сулейманова сыграл с Шарафутдином Сулеймановым злую шутку: даже местные религиозные деятели спустя месяц после смерти отца не захотели видеть преемником его сына.

Среди религиозных деятелей выделяется колоритная фигура ахуна г.Петропавловска Г.Яушева, сумевшего мобилизовать местных купцов для выдвижения своей кандидатуры.

Имам гражданской махалли Санкт-Петербурга Мухаммет-Алим Хантемиров также грамотно организовал подачу общественного приговора от имени части местной общины, надеясь на везение.

Практически не проявили себя в этот период дворяне Оренбургской губернии,

хотя часть из них поддерживала между собой постоянные связи, будучи начальниками или представителями среднего звена в башкирских и мещерякских кантонах, а также во время заседаний уездных дворянских собраний. Такая их позиция позволяет говорить об индифферентном отношении к мусульманскому вопросу, или об отсутствии осознания себя представителями национальной элиты, чувствующими ответственность за дальнейшую судьбу мусульман, или же некоторым из них мундир чиновника не позволял проявлять инициативу. Как было рассмотрено, и С.Тевкелев, и Ш.Алкин, проявившие интерес к выборам муфтия, находились в отставке. Опосредственно можно говорить о том, что, возможно, дворяне Оренбургского края имели некоторое отношение к появлению в списке кандидатов на должность муфтия генерал-адъютанта А.П.Безака (1863 г.) бывшего муллы, затем служившего кантонным начальником в Башкирском войске, подполковника Давлетшина.

В то же время необходимо подчеркнуть, что проект потомственного дворянина Шагиахмета Алкина был наиболее подготовленным, адекватно учитывал

сложившуюся ситуацию и был нацелен на разрешение проблемы с проведением выборов муфтия, тогда как купцы и духовные лица ограничивались выдвижением своих кандидатур, полностью делегируя выработку механизма проведения выборов в компетенцию властей, что лишней раз демонстрирует их слабую юридическую подготовку и неумение максимально использовать предоставленные законодательством и российским обществом возможности на этом поприще.

Вопросы, связанные с выбором оренбургского муфтия, в силу знаковой фигуры председателя Духовного собрания, признаваемого мусульманами центральным институтом по курированию религиозно-обрядовой жизни, вызвали отклик и инициативы представителей национальных элит. В пореформенный период, с развитием капиталистических отношений и усилением модернизационных процессов в стране, в разной степени проявились отношение представителей трех национальных элит к происходящим изменениям в жизни мусульман и их влияние на обновленческие процессы в татарском сообществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — Ч. 1. — М.—Л., 1936. — С. 206.

² РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.4 об.

³ Там же. — Лл.30-39.

⁴ Там же. — Лл.12-15.

⁵ Там же. — Лл.12-15.

⁶ Там же. — Л.15.

⁷ Там же. — Л.73.

⁸ Мухаммет-Алим родился в 1836 г. в Санкт-Петербурге в семье помощника имама гражданской махаллы Мухаммет-Амина Хантемирова. После назначения муллы Г.Сулейманова оренбургским муфтием и отъезда в г.Уфу в 1840 г. Мухаммет-Амин занял его место. В 1854 г. Мухаммет-Алим получил свидетельство имама-хатиба и стал помощником своего отца. После увольнения его с духовной должности, в 1856 г., возглавил гражданскую махаллу Санкт-Петербурга.

⁹ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.41-49 об.

¹⁰ Тазетдин Максютлов в 1834 г. был избран и определен имамом при мечети д.Кульбаш Казанского уезда. В 1839 г. был избран заседателем в ОМДС. В последующие трехлетия, в 1842, 1846 и 1851 гг., повторно избирался старшим заседателем религиозного управления и во время отлучек или болезни Г.Сулейманова два раза исполнял его обязанности. За многолетнюю службу на этой должности Т.Максютлов в 1854 г. был награжден серебряной медалью на Анненской ленте.

¹¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.53-56.

¹² Там же. — Лл.68-70 об., 78.

¹³ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — М.; Л., 1936. — С.166–167.

¹⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.67.

¹⁵ Там же. — Лл.79-79 об.

¹⁶ Там же. — С.167.

¹⁷ Г.Г. Яушев, из татарских князей, в 1852 г. он стал имамом-хатибом 2-й мечети в подгорной части г.Петропавловска, а в 1858 г. был утвержден старшим ахунем Тобольский губернии.

¹⁸ Абдуллах Акчурин, Мустафа Девлеткильдеев, Хамза Сутюшев, Халид Бакметов, Шагиахмет Ибрагимов, Касымхан Ялимов, Хасан Сутюшев, Сайфутдин Мусинов, Ахметжан Ермаков, Сапкул Мамкин, Сайфутдин Муратов, Габидулла Апсалямов, Абдулвали Абдулвагапов, Дамизян Муратов, Мухамадвали Салитов, Ибрагим Макситов, Юсуф Шакиров, Мухмаджан Макситов и Фахретдин Нагаев.

¹⁹ Халиулла Халитов, Тимербулат Девлеткильдеев, Тимергали Салимов, Фахретдин Саманов, Гумер Халитов, Мухаматлатиф Байгильдин, Мухаматзакир Байгильдин, Хамит Залитов, Мухаматсабир Байгильдин, Ахметжан Максюттов, Нурмухаммет Мусин, Мухаметрахим Байгильдин.

²⁰ Там же. — Лл.123–123 об.

²¹ Там же. — Лл.171-173.

²² Там же. — Лл.170.

²³ Там же. — Лл.174-176.

²⁴ Там же. — Лл.181-182.

²⁵ *Мәрҗани Ш.* Мөстафадел — әхбар фи ахвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде / Ш. Мәрҗани.— Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. — Б.223.

²⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, л.178.

²⁷ В примечании к тексту на этом месте сам же добавляет: «Сулейманов, пробыв оренбургским муфтием 20 лет, был мало полезен Правительству и не оставил о себе никакой памяти в народе».

²⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.601, лл.121 об.-122.

²⁹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — М.—Л., 1936. — С.180.

Summary

Tatar national aristocracy and problem of new Orenburg mufti electivity in 1860.